



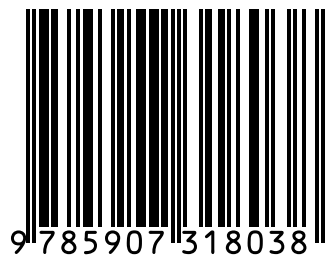
# Не забудем, но простим? Образ войны в культуре и исторической памяти

---

Олег Барабанов, Константин Пахалюк,  
Маттиас Уль

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-03-8



© Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2020

Российская Федерация, 115184, Москва,  
улица Большая Татарская, дом 42

# Об авторах

## **Барабанов Олег Николаевич**

Доктор политических наук, профессор РАН, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», научный руководитель Европейского учебного института МГИМО МИД России

## **Пахалюк Константин Александрович**

Преподаватель МГИМО МИД России, главный специалист и куратор научно-просветительских проектов Российского военно-исторического общества

## **Маттиас Уль**

Доктор исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве

# Содержание

## **Олег Барабанов**

- 3 Память о войне и войны памяти. Предисловие

## **Константин Пахалюк**

- 7 Образы войны в современной культуре

Образы войны: между исторической памятью и политической прагматикой

Героические vs негероические общества

Особый путь России

## **Маттиас Уль**

- 30 8 мая в немецкой культуре памяти

8 мая как День освобождения в ГДР при Вальтере Ульбрихте

Смещение акцентов при Эрихе Хонеккере

8 мая и Федеративная Республика Германия в 1950-е годы

8 мая и Федеративная Республика Германия 1960-х и 1970-х годов

1980-е годы: 8 мая как День освобождения в Федеративной Республике Германия

8 мая в объединённой Германии

Олег Барабанов

---

## Память о войне и войны памяти. Предисловие

Историческая память и её осмысление играют большую роль в формировании гражданской солидарности в обществе, в обеспечении связи поколений, в сопричастности граждан государству. На международном уровне гармонизация и сближение исторических нарративов в разных странах представляется залогом для конструктивного диалога между обществами по современным проблемам и для преодоления существующих негативных стереотипов восприятия других государств и народов. Таким образом, историческая память является ценностью, которая определяет как социальное, так и политическое поведение. 75-летний юбилей Победы в Великой Отечественной войне актуализирует проблему её влияния на современную политику и общественное мнение.

В последние три десятилетия повышенное внимание к переосмыслению и реконструкции исторической памяти в мире было связано не в последнюю очередь с Центральной и Восточной Европой. Во многих странах региона эти процессы были обусловлены формированием новых независимых государств и распадом социалистической системы. Здесь историческая память стала играть ключевую роль в национальном становлении государств, в политике формирования новых ценностей и установок в общественном мнении. Пожалуй, на этом примере чётко проявляется прямая связь между ценностью исторической памяти и национализмом, понимаемым как в широком общегражданском (позитивном) смысле, так и – в ряде случаев – в узком негативном смысле этого слова, связанном с национальной исключительностью.

Эти процессы привели, помимо прочего, и к конфликтующим национально-историческим нарративам. Часть из них начала оказывать серьёзное воздействие и на текущую политику, на политические стереотипы других государств и народов. Иногда это выливалось и в реальные войны.

Практически во всех вооружённых конфликтах в Европе за последние три десятилетия взаимоисключающие исторические нарративы играли далеко не последнюю роль в поляризации общественного мнения и в эскалации конфликта. В преддверии юбилея Победы за прошедшие месяцы мы стали свидетелями резкого обострения войн исторической памяти применительно к событиям и оценке Второй мировой войны. Цепочка этих событий хорошо известна, причины этого понятны, и нет нужды подробно на них останавливаться.

Важнее другое. Историческая память является ценностью, а, как мы знаем из конфликтологии, конфликты ценностей гораздо сложнее урегулировать, чем конфликты интересов. При несовпадающих интересах всегда можно, по крайней мере, попытаться найти какой-то компромисс, определить пределы для переговорного пространства и шаг за шагом идти к взаимоприемлемому решению. Ценности же бескомпромиссны, в некотором роде они представляют собой базовые примордиальные установки поведения, и потому сблизить их крайне трудно. Здесь, впрочем, стоит подчеркнуть, что, хотя сама историческая память является ценностью, политика формирования исторической памяти, как мы отмечали выше, является интересом государства. Тем самым конфликт ценностей здесь накладывается на конфликт интересов. С одной стороны, это его усложняет, а с другой – даёт возможности для поиска решения.

Формирование исторической памяти, в том числе и памяти о Второй мировой войне, может осуществляться разными путями. Есть экспертное знание, доступное для достаточно узкого круга специалистов-историков, хорошо знакомых с источниками, владеющих профессиональными методами исторического исследования. На первый взгляд, им как раз легче договориться между собой (доказательством чему служит, например, российско-польская группа историков по сложным вопросам на рубеже 2000–2010-х годов). Однако, согласно принципу «нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», не свободен от него и историк. Пожалуй, именно готовность ряда учёных развивать в своих исследованиях политически востребованные для своего общества нарративы сыграла далеко не последнюю роль в эскалации войн исторической памяти.

В широком общественном мнении формирование исторической памяти достигается не через научные монографии и статьи. Здесь ключевую роль играет информационное и культурное пространство. Поэтому трансляция через него исторических знаний (а иногда и исторических мифов) является одним из главных инструментов. Механизмами создания исторической памяти служат выступления политиков, заявления парламентов и политических партий по историческим вопросам, научно-популярные

интервью историков, документальные и художественные фильмы, проза, поэзия и многое другое.

Понимание работы подобных механизмов, осмысление распространения в общественном мнении тех или иных исторических оценок и установок получают особое значение при анализе политики исторической памяти. Вот почему данный Валдайский доклад делится на две связанные с этой проблематикой части. Одна посвящена общему анализу образа войны в современном культурном пространстве. В фокусе исследования находится Вторая мировая, но для лучшего понимания закономерностей широко привлекаются и примеры из других вооружённых конфликтов, ставших основой для многих фильмов и книг. Другая часть представляет собой важное для понимания общей картины частное исследование, посвящённое закреплению в исторической памяти германского общества представления о завершении Второй мировой войны как освобождению Германии. Здесь в большей степени речь идёт о трансляции исторических нарративов не через культурное, а через информационное и общественно-политическое пространство. Тем самым доклад раскрывает различные аспекты формирования исторической памяти в общественном мнении.

Исследование Константина Пахалюка посвящено образу войны в современной культуре. Он рассматривает различные философские концепции войны и связанные с ними медийные нарративы, раскрывающие образы войны широкому общественному мнению в том или ином формате. Автор делает акцент на игре в противоположности. К примеру, есть два нарратива: один из них героический, второй трагический. В первом случае акцент в представлении войны делается на подвигах и доблести. Этот подход тесно связан с военной этикой, основанной на понятиях отваги и чести, в его рамках война рассматривается в контексте защиты жизни, свободы и независимости своей Родины. Во втором случае в центре оказываются ужасы войны, многочисленные жертвы, разрушения, военные преступления, людское горе.

Понятно, что на войне есть место и тому, и другому, и оба этих нарратива в целом не противоречат друг другу, а лишь дополняют различные аспекты войны. Вопрос лишь в их соотношении друг с другом, в нахождении баланса. Если этот баланс нарушается, то возникает тенденция, направленная на полную дегероизацию войны (как это происходит, в частности, в современной культуре). В своём предельном выражении этот нарратив находит воплощение в так называемой «военной чернухе», которая стремится доказать, что война пробуждает лишь самые худшие качества в человеке, где патриотизм подменяется обывательским сарказмом и отстранённостью. В этом контексте автор обращается к гораздо более широкой

теме «постгероического» общества в современном мире как составной части глобального общества потребления. В своём исследовании автор сопоставляет все эти нарративы, показывая различия и сходство в подходах к ним в российской и зарубежной культуре и информационном пространстве.

Память о войне тесно связана в общественном сознании с памятью о примирении. Президент России Владимир Путин неоднократно говорил об историческом примирении России и Германии как о важнейшем не только политическом, но и социальном достижении наших стран и народов. В этой связи представляется важным осветить то, каким образом происходило формирование исторической памяти о Второй мировой войне в Германии. Осознание и понимание данного процесса российскими экспертами и общественным мнением позволит, как представляется, сделать более эффективным и взаимодоверительным диалог экспертных сообществ (историков и политологов) и гражданских обществ наших стран. Это важно ещё и потому, что историческое примирение России и Германии – не одномоментное событие, а постоянный процесс, который требует соответствующей планомерной работы с общественным мнением.

Исследование научного сотрудника Германского исторического института в Москве доктора Маттиаса Уля раскрывает особенности восприятия в Германии завершения Второй мировой войны. Автор анализирует историческую эволюцию формирования общественных представлений в обоих послевоенных немецких государствах – ГДР и ФРГ, а затем и в объединённой современной Германии. Процесс не был гладким – были подводные камни, которые препятствовали тому, чтобы общественное мнение проигравшего войну государства воспринимало её завершение не просто как победу над нацизмом со стороны стран антигитлеровской коалиции, но именно как освобождение Германии. Этот психологически и политически сложный процесс замещения поражения освобождением автор описывает, основываясь на фактическом и аналитическом материале, который вписывается в контекст общих дискуссий о роли исторической памяти в современной Германии.

75-летие Победы и окончания войны сейчас находится в фокусе многих экспертных исследований и широко представлено в информационном и культурном пространстве. Важно, чтобы это обращение к исторической памяти не было свёрнуто сразу после празднования юбилея. Для формирования устойчивого общественного мнения нужно, чтобы память о той Великой войне и Победе не превратилась в одномоментную кампанию, а оставалась залогом консолидации наших обществ.



Константин Пахалюк

---

## Образы войны в современной культуре

Хотя Вторая мировая война оказалась последним на данный момент тотальным вооружённым противостоянием, а холодная завершилась более четверти века назад, идеал вечного мира так и остался недостижимым. Сегодня вооружённые конфликты по интенсивности и количеству потерь уступают тем, что велись на протяжении большей части XX века, однако современный мир вряд ли можно назвать безопасным.

Понятие войны в публичном пространстве и России, и западных стран всё больше превращается в метафору, отсылающую к социальным конфликтам, экономическому противостоянию или информационно-культурным противоречиям (так называемые экономические, культурные, информационные и другие войны), в то время как непосредственно вооружённые конфликты обозначаются различными эвфемизмами: «антитеррористическая операция», «гуманитарная интервенция», «полицейская акция» и так далее. Другими словами, на нормативном уровне война стала тем инструментом международных отношений, которого принято избегать, однако никто из государств, претендующих на весомую роль в мировой политике, не собирается отказываться от использования силового ресурса. Соответственно, вопрос заключается в том, каким образом и в каких случаях это использование будет не только целесообразно, но и оправданно в глазах населения и международного сообщества.

Согласно российскому философу Арсению Куманькову, в современной политико-философской мысли сегодня доминируют четыре крупнейших подхода к пониманию войны: политический реализм увязывает её с реализацией политики национальных интересов и регулирования международных отношений; теоретики справедливой войны пытаются сформулировать моральные ограничения, будь то связанные с началом войны, правилами её ведения или последующим устройством мира; пацифизм отрицает войну как таковую, в то время как милитаризм считает её высоконравственным явлением, которое позволяет раскрыться лучшим качествам человека<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Куманьков А. Д. *Война, или в плену насилия*. СПб, 2019. С. 15–23.

Перечисленные направления концептуализации дают возможность по-разному взглянуть на феномен войны, однако стоит сделать шаг в сторону и от изучения различных способов её культурного воспроизводства перейти к попыткам объяснить, каким образом образы войны соприкасаются с миром политики, каковы тенденции культурной кодификация военных действий в современном мире, почему культурная рефлексия военного опыта сегодня имеет значение и в чём именно оно заключается. Несомненно, поиск ответов требует весьма подробного обсуждения, а здесь мы можем очертить лишь основные тенденции самыми широкими мазками.

С позиции политических элит ключевая проблема связана с проблемой морального оправдания и легитимации вооруженного насилия, в то время как для общества потребление образов войн, как ушедших в прошлое, так и ведущихся на «мировой периферии», является одновременно и соприкосновением с потенциальными рисками, будь то скатывание обратно в эпоху тотальных войн или потенциальная угроза террористической атаки, и способами их символической проработки. Для подавляющего большинства жителей развитых стран война уже не является тем опытом, который они пережили или с которым они с большой степенью вероятности могут столкнуться. Потому производимые культурными институциями рассказы, например о войнах прошлого или реальных/вымышленных террористических атаках, являются напоминаниями о хрупкости мира, а акцентирование реальных побед прошлого или выдуманных успехов (например многочисленные американские боевики про террористическую угрозу) может способствовать повышению общественного оптимизма. Однако здесь есть опасность навязать впечатление о лёгкости войны, что может повлечь негативные последствия. Пример из истории: начало XX века, когда потенциальная будущая европейская война воспринималась образованными слоями европейских стран чуть ли не в качестве приятной прогулки, причём желанной и не представляющей большой опасности. Эта недооценка способствовала тому, что во время «июльского кризиса» 1914 года милитаристские установки в верхах получили и в России, и в Германии, и во Франции, и в Великобритании широкую поддержку.

Философ Андрей Тесля в одном из интервью конца 2019 года весьма точно обозначил ключевую проблемную точку современного мира – кризис «нормальности», что в свою очередь приводит к порождению различных тревог, производство которых (вместо предсказуемости и стабильности) постепенно превращается в стратегию социального менеджмента современных государств<sup>2</sup>. Доминирование военных образов в публичном пространстве, метафорическим образом<sup>3</sup> структурирующих современные политические, социальные

---

<sup>2</sup> Государство, которое производит тревогу [интервью с А. А. Теслей] // *Эксперт*. 2020. № 1–3. URL: <https://expert.ru/expert/2020/01/gosudarstvo-kotoroe-proizvodit-trevogu>. См. также: Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. М., 2020. С. 31.

<sup>3</sup> Здесь мы отсылаем к теории когнитивной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона. См.: Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М., 2012.

или культурные противоречия (например, представление противоречий по историческим вопросам в качестве «войн памяти»), с большей долей вероятности способствует менее гибкому, если не односторонне бинарному, восприятию социального мира, тем самым легитимируя более жёсткие и бескомпромиссные подходы, а также усиление государственной интервенции в частную жизнь<sup>4</sup>.

---

## Образы войны: между исторической памятью и политической прагматикой<sup>5</sup>

Сегодня в политическом плане культурная рефлексия войны связана с двумя разными, но всё же взаимосвязанными проблемами: формированием макрополитических идентичностей и обозначением границ (не)легитимного применения вооружённого насилия. И хотя ключевую роль исторические образы играют именно в первом случае, они также влияют и на осмысление текущих конфликтов. Остановимся подробнее на обозначенных способах политической актуализации образов войны.

Представления об общем прошлом с самого становления наций-государств (а это XVIII век) имеют большое значение для формирования национального единства. Как подчёркивал канадский исследователь Бернارد Як, вне зависимости от того, идёт ли речь о гражданских или культурных нациях, главным квалифицирующим признаком, отличающим национальное сообщество от любого другого типа социальной интеграции, являются представления о совместном наследовании<sup>6</sup>. Однако в последней трети XX века, как отмечали историк Алейда Ассман и социолог Зигмунт Бауман, в самоощущении жителей многих стран условного «западного» и «европейского» мира начались серьёзные перемены, которые описываются как слом модерна<sup>7</sup>. Исчезновение образа будущего привело к бесконечному расширению «вечного настоящего» (на что ещё в 1980-х годах указывал такой постмодернистский философ, как Жан Бодрийяр) и усилению значимости совместного прошлого, к которому

---

<sup>4</sup> См.: Сергеев В. М., Алексеенкова Е. С. *Снова надзирать и наказывать? К очередному изданию полицейского государства, Или Назад в Средневековье. Валдайские записки. М., 2015. № 27. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-27/>.*

<sup>5</sup> Этот раздел подготовлен в рамках исследования, проводимого при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01589.

<sup>6</sup> См.: Як Б. *Национализм и моральная психология сообщества. М., 2017.*

<sup>7</sup> Ассман А. *Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2016;* Бауман З. *Ретротопия. М.: ВЦИОМ, 2019.*

всё чаще стали обращаться то для поиска политической легитимности, то как к потенциальному источнику знаний о современности, то для формирования различных типов социальной солидарности. Ярким отражением этих процессов стал мемориальный бум (его начало обычно относят к 1970–1980-м годам) и рост политизации различных исторических сюжетов как внутри европейских стран, так и на международной арене<sup>8</sup>. И если ещё в 1990–2000-е годы дискуссии вокруг памяти воспринимались в политологическом сообществе как мелкотемье, то в 2010-е ситуация стала меняться. Примечательно, что последний номер международного журнала *Economist* за 2018 год открылся редакционной статьёй под симптоматичным названием «Ностальгия в действии», в которой утверждалось: «Политики всегда использовали прошлое. Однако сегодня в развитых и развивающихся странах мы наблюдаем взрыв ностальгии. Правые и левые, демократы и автократы – все они всё чаще обращаются к славным страницам прошедших лет»<sup>9</sup>.

Россия с её возрастающим интересом к проблемам исторической памяти вовсе не является исключением. Правда, у нас ситуация усугубилась тем, что это совпало с крушением советских государственных институтов и формированием принципиально новой политики. Соответственно, встал вопрос об основаниях новой макрополитической идентичности, позволяющих обозначить сложившийся порядок как принципиально должный и не требующий пересмотра. Обычно это делается через обращение к какой-либо трансценденции (ценности), такой как Бог, нация, этнос, справедливость, демократия, социализм и так далее. Однако по разным причинам попытки сформулировать это ценностное ядро в 1990–2000-е годы фактически провалились, и лишь в 2010-е, в эпоху «консервативного поворота», это место заняла история<sup>10</sup>. Если в США, Франции или Германии обращение к истории является одним из методов обоснования политического единства, позволяющим на конкретных примерах укрепить приверженность консолидирующим – и представля-

---

<sup>8</sup> Исаев Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2016. № 2 (33). С. 8–10; Хмелевская Ю. Ю. Историки и «полезное прошлое»: к вопросу о дисциплинарных границах и дисциплинирующих функциях истории в современном обществе // *Вестник Пермского университета. Серия «История»*. 2016. № 1 (32), С. 169; Аккерманн Ф., Аккерманн Я., Литтке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // *Неприкосновенный запас*. 2012. № 3. URL: [https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy\\_zapas/83\\_nz\\_3\\_2012/article/18791/](https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/83_nz_3_2012/article/18791/).

<sup>9</sup> *The uses of nostalgia* // *The Economist*. 2018–2019. 22 Dec. – 4 Jan. P. 11.

<sup>10</sup> См.: Каспэ С. И. Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай. М., 2012; Пахалюк К. А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // *Полития*. 2018. № 4. С. 6–31.

емым как универсальные – ценностям (демократии и правам человека), то в России этот набор ценностей фактически выпадает, и сами рассказы об истории становятся ключевым способом символической сборки российской политики.

Вместо поиска универсальных ценностей произошёл окончательный отказ от него в пользу партикуляризма, прикрытого риторикой защиты исторической правды, где главное доказательство – апелляция к фактам и документам. Стоит ли удивляться, что сегодня речи политиков об истории всё больше напоминают лекции! Менее чем за десятилетие мы пришли от развития специализированных институтов политики памяти до фактического предложения включить в обновлённый текст Конституции поправки о том, что Российская Федерация объединена именно «тысячелетней историей», а в отношении прошлого она должна «читать защитников Отечества» и «сохранять историческую правду»<sup>11</sup>. Данные социологических опросов свидетельствуют, что решение превратить историю в основание российской политики в определённой степени коррелирует с умонастроениями значительной части населения, поскольку тематика исторической памяти, по крайней мере, воспринимается в качестве значимой. Так, 96% россиян (на 2017 год) убеждены, что знать историю своей страны нужно<sup>12</sup>, при этом 90% гордятся российской историей и армией (опрос 2016 года)<sup>13</sup>, а 83% считают необходимым вести борьбу с фальсификаторами истории<sup>14</sup>.

Рост востребованности истории и коллективной памяти, который отмечается в модернизированных странах (условные «Запад» и «Европа», куда мы включаем и Россию), приводит к актуализации образов прошедших войн, прежде всего войн тотальных – Первой и Второй мировых. Например, в России наиболее значимым событием является Великая Отечественная война<sup>15</sup>, а из всех героев Отечества при открытой постановке вопроса на первом месте оказывается Георгий Жуков

<sup>11</sup> Полный текст поправок в Конституцию: за что мы голосуем? // Государственная Дума Российской Федерации. 2020. 14 марта. URL: <http://duma.gov.ru/news/48045>.

<sup>12</sup> История страны: ставим «отлично», в уме держим «неуд» // ВЦИОМ. 2017. 14 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=3581>.

<sup>13</sup> Родина – это звучит гордо! // ВЦИОМ. 2016. 16 сент. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=414>

<sup>14</sup> История России: где правда, а где вымысел? // ВЦИОМ. 2015. 18 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=35>.

<sup>15</sup> День Победы: сохраним память о подвиге! // ВЦИОМ. 2018. 8 мая. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9082>.

(опрос конца 2019 года), причём с большим отрывом от всех остальных. Симптоматично восприятие в качестве героев именно военных деятелей, причём либо правителей (Иосиф Сталин, Пётр I, Александр Невский), либо полководцев (Александр Суворов, Михаил Кутузов, Фёдор Ушаков, Иван Конев, Родион Малиновский, Константин Рокоссовский). Среди этого пантеона есть даже современные политические фигуры – Александр Лебедь и Сергей Шойгу<sup>16</sup>.

Военная история играет значимую роль и в других странах Запада. Так, войны занимают важное место в восприятии истории американцами<sup>17</sup>, а 80% молодых граждан 14 стран ЕС (согласно опросу, который проводился в 2012–2014 годах) считают, что именно Вторая мировая является наиболее значимым событием XX века<sup>18</sup>. Даже попытки построения общеевропейского пространства памяти, начатые в 1990-е годы на волне еврооптимизма, делались через обращение к теме Холокоста – как той трагедии, за которую все жители объединённой Европы должны чувствовать ответственность. Заметим, что в основе национальной (то есть политической) идентичности могут лежать не только победы, но и тяжёлые поражения. Яркий пример – Сербия и то значение, которое в ней уделяется битве на Косовом поле.

Столь высокая значимость, которая придаётся военным событиям при формировании национальной мифологии, объясняется, прежде всего, эмоционально сильными образами, связанными с мотивами смерти и крови. Будь то герои, отдающие свои жизни во имя нации или политических ценностей, или жертвы вражеской агрессии – в любом случае речь идёт об обращении к предельному человеческому опыту, к тому порогу, за который живые ещё не переступили, а потому коллективные «мы» – как наследники – должны испытывать чувство долга и ответственности перед теми, кто отдал жизни. Развитие фотографии и появление телевидения, как отмечала американская писательница Сьюзен Сонтаг, сделали войну и её страдания ещё ближе. Эти образы, как правило, ничего не проясняющие, создают «вот-эффект» («вот что важно, вот история того, как всё происходило, и фотографии закрепляют эту историю в нашем сознании»<sup>19</sup>), чувство соприсутствия, тем самым формируя аффективную

---

<sup>16</sup> Герой Отечества: выбор россиян // ВЦИОМ. 2019. 9 дек. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10060>.

<sup>17</sup> См.: Савельева И. М., Полетаев А. В. Знают ли американцы историю? М., 2008. С. 174–176.

<sup>18</sup> Wolnik K., Busse B., Tholen J., Yndigegn C., Levinsen K., Saari K., Puuronen V. The long shadows of the difficult past? How young people in Denmark, Finland and Germany remember WWII // *Journal of Youth Studies*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 162–179.

<sup>19</sup> Сонтаг С. Смотрим на чужие страдания. М., 2014. С. 65–66.

связь с тем, что не является личным опытом, и структурируя нашу память. При этом некоторые образы (моменты) могут представляться чуть ли не в качестве национальных символов – как, например, водружение американского флага над Иводзимой в феврале 1945 года или советского Красного знамени над Рейхстагом, которые на самом деле являются постановочными кадрами.

Обращение к истории и военным сюжетам в частности позволяет не только очертить пространство национальной памяти, но и укрепить фундамент легитимности под актуальными политическими представлениями и ценностями. Именно в этом плане мы можем говорить о формировании мифов, причём в том смысле, который в данное понятие вкладывал лингвист Ролан Барт. Значимость имеют не сами образы войны, а то, ради чего к ним обращаются, однако актуальные политические смыслы оказываются в зависимости от убедительности предложенных образов. Соответственно, изучение конкретных образов войны и примеров культурной рефлексии имеет значение, прежде всего, в контексте общей дискуссии о коллективном прошлом. Например, отсылки к образам еврейских жертв, уничтожаемых нацистами, в речах европейских политиков должны заставить укрепить – в логике «от противного» – приверженность демократии и ценности прав человека; в России доминирует тенденция обращаться к этим событиям как к свидетельству освободительной миссии Красной Армии; в Израиле память о катастрофе на политическом уровне является одним из способов борьбы с антисемитизмом и обоснованием права еврейского народа на собственное независимое государство на данной территории.

Но если политики в своих выступлениях напрямую проговаривают желаемую связь между историческим событием и актуальными политическими ценностями, то при анализе культурной рефлексии эта взаимосвязь не всегда бывает чёткой. В качестве примера можно рассмотреть тему Холокоста. Например, в России наиболее известный и кассовый отечественный фильм о Холокосте «Собибор» (2018 год, Константин Хабенский) подаёт историю этого лагеря смерти через обращение к мужеству лидера восстания, советского офицера Александра Печерского. В Израиле крупнейший музей и исследовательский центр, пожалуй, самый главный музей страны Яд ва-Шем (национальный мемориал Катастрофы и Героизма) в экспозиции разворачивает последовательный нарратив: от изложения нацистской политики преследования евреев и описания ужасов создатели переходят к теме героического сопротивления, а затем продолжают тему борьбой евреев



за своё государство в тогда ещё подмандатной Палестине. Экспозиция завершается весьма сильным символическим образом: при выходе на обзорную площадку вы видите раскинувшийся перед вами священный город Иерусалим. В Европейском союзе, если говорить про музеи, кинофильмы, акцент делается именно на страданиях, в то время как обоснование ценностей демократии и прав человека обычно выносится за пределы собственно исторического нарратива, превращаясь в комментарий (озвучиваемый политиками, учителями, публичными лицами), ключ расшифровки и привязки к современности.

Если рост интереса к военным событиям прошлого мы связываем в первую очередь с поисками основ коллективных идентичностей (ответ на вопрос: почему мы собрались здесь вместе и не можем разбежаться?), то культурное осмысление современных вооружённых конфликтов напрямую связано с проблемой легитимности насилия.

В прошлое ушли традиционные регулярные войны, коими были практически все европейские вооружённые конфликты XVIII – начала XX века и обе мировые, тотальные, войны. Их ключевая характеристика заключалась в симметричности: они велись государствами друг против друга, что подразумевало чёткое деление на комбатантов и некомбатантов, друзей и врагов; ход этих войн определялся столкновением регулярных армий; они имели, как правило, конкретное начало – официальное объявление войны – и завершение – в виде мирного договора, закрепляющего перебалансировку сил на международной арене. Тотальные войны отличались масштабной мобилизацией социально-политической и экономической систем, когда деятельность каждого должна быть превращена во вклад в будущую победу<sup>20</sup>.

Эта привычная и хорошо осмысленная регулярность исчезла из большинства современных вооружённых конфликтов, что привело к слому существовавших политических, юридических, культурных языков их описания. Свидетельство тому – идущая с 1980-х годов дискуссия вокруг определений «войн XXI века». Каждая из предложенных номинаций («новые», «новые гражданские», «гибридные», «сетевые», «асимметричные»), естественно, охватывает те или иные аспекты, но вне зависимости от эвристического потенциала эта полемика является прежде всего символической борьбой (именно в том смысле, которое в это понятие вкладывал социолог Пьер Бурдьё) за право отно-

---

<sup>20</sup> Куманьков А. Д. *Война в XXI веке*. М., 2020. С. 50–58.



сить конкретные случаи применения вооружённой силы к преступным или легитимным.

Двумя ключевыми нервами этой полемики стали проблема государственного суверенитета и место негосударственных акторов. В первом случае ведутся дискуссии вокруг «гуманитарных интервенций» (массовое насилие против мирных граждан может быть оправданием для внешнего вмешательства) и «гибридных войн» (методы подрыва легитимности власти противника)<sup>21</sup>. Во втором – вокруг терроризма и определения того, какие группы вооружённых повстанцев могут быть признаны борцами за независимость, а какие – нет. При этом разногласия возникают не только в каждом конкретном случае при определении террористов и достаточных условий для гуманитарной интервенции. Они присутствуют даже на теоретическом уровне: в среде экспертов до сих пор не достигнут консенсус относительно того, что такое терроризм и каковы принципы осуществления гуманитарной интервенции<sup>22</sup>. Поскольку политические, юридические и научные построения являются шаткими и принципиально оспариваемыми, растёт роль культурных механизмов оправдания вооружённого насилия<sup>23</sup>. Смысл заключается в том, чтобы за счёт ярких, убедительных образов и интерпретаций убедить как своих граждан, так и международное сообщество в том, что в данном конкретном случае вооружённое вмешательство было обоснованным. Так, например, интервенция НАТО в Югославии в 1999 году опиралась на тиражирование медийных образов страданий косоваров, при параллельной метафоризации через обращение к образу Холокоста: Слободан Милошевич представлялся как Адольф Гитлер, косовары символически приравнивались к евреям, а, соответственно, НАТО – к союзникам по антигитлеровской коалиции<sup>24</sup>.

Равным образом серия американских интервенций с 2001 года концептуализируется в публичном пространстве как «глобальная война

<sup>21</sup> Фридман О. «Гибридная война» понятий // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 5. С. 79–85.

<sup>22</sup> См. напр.: Никитин А. И. Конфликты, терроризм, миротворчество. М., 2009; Keohane R. *Public Delegitimation of Terrorism and Coalition Politics* // *Worlds in Collision: Terror and the Future of Global Order*. N.Y., 2002; Саймонс Г. Кризис политических войн XXI века. Валдайские записки. М., 2019. № 105. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-105/>.

<sup>23</sup> В данном случае мы полагаем более целесообразным придерживаться данного понятия, предполагающего сличение определённого решения с неким внешним идеалом. Оправдание противопоставляется, если следовать мысли Себастьяно Маффеттоне, легитимации как процессу, когда посредством некой процедуры принятое решение получает широкую поддержку. См.: Маффеттоне С. Справедливая война и гуманитарная интервенция. Валдайские записки. М., 2015. № 19. -URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdayskaya-zapiska-19/>.

<sup>24</sup> Александер Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология. М., 2013. С. 218–219.

с террором». Уже вскоре после терактов 11 сентября, вызвавших резкий эмоциональный всплеск не только в США, но и во многих странах мира, началась большая медийная кампания, в которой терроризм (и те, кто приравнивался к его сторонникам) был представлен в качестве Зла, а США – Добра. Не обошлось и без попыток исторических аллюзий: появление в 2002 году в риторике Джорджа Уокера Буша понятия «оси зла», включающего помимо Ирака (куда готовилась интервенция) ещё Иран и Северную Корею, в определённой степени было мотивировано стремлением выстроить параллель со странами оси эпохи Второй мировой.<sup>25</sup> Осенью 2001 года в американских школах страны была запущена патриотическая программа, в рамках которой школьникам демонстрировались патриотические фильмы (наиболее известный «Дух Америки»), в центре которых находился образ героя-спасателя, побеждающего некую угрозу<sup>26</sup>. Тематика борьбы с терроризмом оказалась одной из наиболее популярных для голливудских фильмов: увлекательные сюжеты различных боевиков позволяли укреплять представления о справедливости войны против терроризма. Изменились и способы медийного освещения войны. Если ещё в годы вьетнамской кампании фотографии и видеоматериалы превратились в критику проводимой политики, то к началу «Первой иракской войны» 1991 года были сделаны соответствующие выводы, и акцент в изображении операции «Буря в пустыне» сместился на демонстрацию технического превосходства при оставлении за кадром трагической стороны войны. В начале 2000-х годов изображение операций в Афганистане и Ираке напоминали героические спектакли<sup>27</sup>.

Всё это привело в публичном пространстве к специфической реинкарнации средневековых представлений о «священной войне», правда, теперь фокус внимания сместился с защиты христианства на защиту мирных граждан, страдающих от террористов. Некоторые аналитики предложили понятие «констеблизации войны», означающее, что вместо столкновения различных государств, реализующих национальные интересы, применение военной силы стало обосновываться как наведение порядка в глобальном масштабе. Эти два образа, на-

---

<sup>25</sup> Ахмедова Л. Ш. *Стратегия национальной безопасности США в свете событий 11 сентября 2001 года* // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. *Общественные и гуманитарные науки*. 2011. № 2. С. 10.

<sup>26</sup> Николаи Ф. В. *Полемика о травме и памяти в американских исследованиях культуры*. М., Нижний Новгород: «Флинта», Издательство Мининского университета, 2017. С. 34–36.

<sup>27</sup> Сонтаг С. *Указ. соч.* С. 51.

полненные эмоциями и конкретным содержанием именно благодаря работе культурных институций, играют ключевую роль в поддержании сложившегося порядка.

Любопытно, что и Россия на уровне продуцируемой государством медийной картины также включилась в этот дискурс, используя тезисы о «войне против террора» и «необходимости защиты мирного населения» и во время грузинской кампании 2008 года (тогда в медийной повестке часто упоминалось о «геноциде осетин»), и при критике действий украинских властей в Донбассе, и во время сирийской операции.

Впрочем, это не значит, будто влияние этих образов связана лишь с политическими установками. В случае каждой конкретной операции нужно провести серьёзную работу по убеждению общественности в том, что данные повстанцы – это террористы или что данный режим совершает массовые преступления против своих граждан. Другая проблема связана с удержанием убедительности повестки. Способность продуцировать нормы совершенно не означает, что ваши конкретные действия будут восприниматься как их воплощение. Так, хотя выше мы опирались в основном на американские примеры, стоит подчеркнуть, что, согласно опросам лета 2019 года, большинство взрослых американцев и ветеранов афганской и иракской кампаний считали, что эти войны не стоило начинать<sup>28</sup>.

---

## Героические vs негероические общества

Производство коллективной идентичности и оправдание вооружённого насилия являются двумя ключевыми политическими задачами, для решения которых образы войны имеют большое значение. Однако вряд ли всё многообразие культурной рефлексии на эту тему стоит сводить к политике. На рубеже XX–XXI веков отметились принципиальные изменения в понимании войны как таковой, что на социальном уровне может быть описано как трансформация ряда «героических обществ» в «постгероические». На уровне культуры эти изменения находят отражение в изменении структурных принципов организации повество-

---

<sup>28</sup> Majorities of U.S. veterans, public say the wars in Iraq and Afghanistan were not worth fighting // Pew Research Center. 2019. 10 July. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/07/10/majorities-of-u-s-veterans-public-say-the-wars-in-iraq-and-afghanistan-were-not-worth-fighting>.

вания о военных событиях, или, проще говоря, прогрессивный (героический) нарратив сменяется трагическим.

Военные теоретики Эдвард Люттвак и Герффрид Мюнклер независимо друг от друга выдвинули концепцию «постгероической» эпохи, которая отражает доминирующий в странах западного мира способ восприятия войны. Проблема героизма неразрывно связана с теми культурно воспроизводимыми нормами, которые формируют образ героя. И здесь важны правила поведения и определённые требования, которым военный должен подчиняться и при исполнении которых он может претендовать на славу и особое отношение. Так, нет ничего удивительного в том, что, например, в России на протяжении XIX – начала XX веков по мере общественно-политической модернизации и постепенного перехода от армии профессиональной к армии «народной» мы наблюдаем и расширение образов героев (не только офицеры, но и нижние чины, женщины, дети), и дифференциацию соответствующей наградной системы<sup>29</sup>. По мере формирования национальных государств (Россия здесь может быть примером национализирующейся империи) и превращения воинской службы в главную гражданскую добродетель для каждого члена национального сообщества мы можем говорить и о формировании героических обществ. Нормы и практики военных корпораций претендуют теперь на статус общегражданских добродетелей. Соответственно, на уровне культуры образы войны конструировались посредством прогрессивного нарратива, который зачастую являлся одновременно и национально-ориентированным: войны превращались в героическую борьбу нации против различных врагов, посредством победы над которыми удавалось обрести национальное единство, а боевые подвиги становились примерами служения Отечеству вне зависимости от того, что реально думал, чувствовал и делал комбатант на поле боя.

Однако с середины XX века начали происходить серьёзные изменения. Разрушительный характер Первой и Второй мировых войн заставил задуматься в принципе о цене военного насилия в индустриаль-

---

<sup>29</sup> Приведём исторический пример. Ещё при Екатерине II было достаточно лишь одного офицерского Военного ордена (Святого Георгия), но в наполеоновские войны появился знак отличия для нижних чинов, а к Первой мировой он, будучи переименованным в Георгиевский крест, был разделён на четыре степени. Тогда же официально появилась и Георгиевская медаль, позволяющая награждать гражданских лиц, отличившихся на фронте. Кроме того, ещё с начала XIX века стали появляться коллективные георгиевские награды (георгиевские знамена, трубы и пр.), а в середине века, по мере усиления России на Кавказе и в Средней Азии, появился знак отличия Военного ордена для мусульманских народов (без изображения православного святого).

ную эпоху. Распространение ядерного оружия привело к росту страхов перед тотальным исчезновением человечества в целом.

Демографический спад в развитых странах, когда один ребёнок или двое детей стали нормой для большинства семей, сделал восприятие потенциальных военных потерь ещё более болезненным. В некоторых странах начал меняться и социальный состав вооружённых сил (например, в США с 1990 по 2017 год количество военнослужащих уменьшилось с 2,06 до 1,3 миллиона, причём количество женщин выросло до 17 процентов, а белых – сократилось до 54 процентов)<sup>30</sup>.

Более того, в условиях демократизации политической жизни государство стало всё больше восприниматься как гарант безопасности, предоставляющий соответствующие услуги населению, а военная мобилизация населения в случае кризиса рассматривается всё более критически: необходимы убедительные доводы, дабы получить согласие на отправку граждан «в горячую точку». Здесь в качестве примера можно привести Россию в 1990-е годы, когда отправка в Чечню солдат-срочников вызвала резкие отклики общественности, или же США, которые после потери 19 солдат погибшими и пленными в 1993 году в Сомали вообще прекратили интервенцию. Впрочем, данную проблему частично удалось снять за счёт развития военных технологий, породивших асимметрию современных военных конфликтов, и «денационализации» армии, когда выполнение военных задач всё чаще перекладывается на плечи контрактников и частных военных корпораций.

В итоге нормы героического поведения оказались избыточными для общества в целом: в прошлое уходят идеалы подвига и самопожертвования, заменяясь образом мученической жертвы, которая, как писал Мюнклер, «обозначает жертвоприношение, принесённое в качестве возмещения ущерба, а не в виде спасительного или искупительного поступка. Доля страховой суммы в национальном достоянии в этой связи является показателем степени постгероизма в обществе. Такие общества, в случае если они участвуют в вооружённых конфликтах, принципиально ориентированы на недопущение или, по крайней мере, сведение к минимуму численности собственных жертв»<sup>31</sup>. И даже если в среде военных «классические» нормы героизма продолжают культивировать-

<sup>30</sup> Barroso A. *The changing profile of the U.S. military: Smaller in size, more diverse, more women in leadership* // Pew Research Center. 2019. 10 September. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/09/10/the-changing-profile-of-the-u-s-military/>

<sup>31</sup> Мюнклер Г. *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках*. М., 2018. С. 189.

ся, то на практике чаще всего люди руководствуются не честью и славой, а деньгами и властью. Таким образом, в эпоху постгероизма героизм уступает место военному предпринимательству<sup>32</sup>.

Параллельно со становлением постгероических обществ в странах Запада начал набирать силу и альтернативный нарратив о войне. Одним из первых о нём упомянул социолог Джеффри Александер, который, изучая образы Холокоста, обратил внимание на постепенное вытеснение прогрессивного нарратива трагическим. Если прогрессивный нарратив делал акцент на преодолении социального зла и травматичного прошлого (что неизбежно приводило к утверждению тех или иных политических ценностей), то трагический нарратив, «работая» по аналогу древнегреческой трагедии, концентрирует внимание на самой трагедии. В рассказе о ней больше нет никакого преодоления, а лишь сосредоточение на ужасных событиях, постоянное возвращение к ним и символическое переживание, выходом из которого является не превосходство, а катарсис. «Катарсис скорее очищает чувства и страсти, заставляя зрителей соотносить себя с персонажами истории, побуждая их переживать страдания персонажей вместе с ними и понимать (поскольку с самими персонажами этого обычно не случается) истинные причины их смерти»<sup>33</sup>.

Подобный подход встречается в ряде кинофильмов, таких, например, как «Список Шиндлера» Стивена Спилберга (1993) и «Пианист» Романа Полански (2002). Одним из первых стал телесериал «Холокост» Марвина Чомски (1978). Представление трагедии в виде обычной мелодрамы, несмотря на критику историков, позволило пробудить широкий общественный интерес к данной теме не только в США, но и в Европе, включая Германию.

Хотя тематику Холокоста, столь значимую для современной западной культуры, наиболее удобно рассматривать сквозь призму трагического нарратива, в действительности речь идёт о более широком процессе «культурной перекодировки» образов войн. Постараемся максимально сжато выделить ключевые направления.

Превращение Холокоста к концу XX века в странах запада в универсальную метафору абсолютного зла (сакральное зло), позволяющую

---

<sup>32</sup> Мюнклер Г. Указ. соч. С. 161.

<sup>33</sup> Александер Дж. Указ. соч. С. 167.

проводить аналогии с другими массовыми преступлениями (геноцид армян, массовые этнические чистки на Балканах в 1990-е годы, а также более ранние преступления, такие как рабство в США и истребление индейцев). Ключевое значение имеет обсуждение моральной и политической ответственности как властвующих элит, так и простых граждан за совершаемые преступления, соучастие или просто молчаливое их одобрение. Весьма характерно, что попытки построить общеевропейскую культуру памяти в 1990–2000-е годы осуществлялись именно за счёт инициирования дискуссии о разной сопричастности европейских обществ в проведении политики Холокоста. Естественно, это вызвало неприятие у консервативно настроенных элит, прежде всего в странах Восточной Европы. Наиболее ярким примером является Польша, где конструирование национального мифа (особенно пришедшими к власти консерваторами из партии «Право и справедливость»), направленное на подчёркивание страдания польского народа, его героической борьбы против «двух тоталитаризмов» и чествование гражданских подвигов поляков по спасению евреев (наиболее яркий пример – создание в 2016 году музея в честь семьи Ульмов, которые были расстреляны за укрывание евреев), вошло в противоречие с темой повседневногo соучастия поляков в политике геноцида<sup>34</sup>. В итоге первоначальная идея этики ответственности за собственные преступления в прошлом стала деформироваться, так как в большинстве членoв ЕС из Восточной Европы предпочитали говорить о собственных страданиях (причинённых сталинским СССР), нежели о своих прегрешениях<sup>35</sup>.

Трансформация музейного пространства: появление специальных мемориальных музеев, посвящённых проработке трагических событий (Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне, Дом террора в Будапеште, Еврейский музей в Берлине, Музей наследия: от порабощения до истребления в Монтгомери и прочие)<sup>36</sup>, а также перестройка экспозиций ряд европейских музеев с тем, чтобы они в большей степени отражали транснациональные связи в прошлом и в меньшей – замыкались исключительно на национальной истории.

<sup>34</sup> Hackmann J. *Defending the “Good Name” of the Polish Nation: Politics of History as a Battlefield in Poland, 2015–18* // *Journal of Genocide Research*. 2018. Vol. 20. No. 4. P. 587–606.

<sup>35</sup> См. подробнее: Миллер А. И. *Политика памяти в посткоммунистической Европе и её воздействие на европейскую культуру памяти* // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2016. № 1 (80). С. 111–121.

<sup>36</sup> Sodaro M. *Exhibiting atrocities. Memorial Museums and the Politics of Past Violence*. New Brunswick, Newark, London, 2018.



Изменение логики коммеморации обеих мировых войн в европейских странах, а также содержания тематических музейных экспозиций и художественных кинофильмов, что особенно ярко проявилось в 2010-е годы. Речь идёт о размывании национально-ориентированного повествования за счёт обращения к теме личности на войне, персональным историям, акцентирования на противоречивости и неоднозначности военных событий. Приведём несколько примеров относительно коммеморации Первой мировой. Так, открывшийся в городе Мо (под Парижем) Музей Великой войны позиционирует себя как музей всей войны в целом, а не только Западного фронта, а сама история рассматривается прежде всего через «взгляд из окопа», с позиции простых людей. Передача многоголосия памяти о Первой мировой стало одной из ключевых медийных стратегий её коммеморации в Великобритании<sup>37</sup>. Специально выпущенная к столетию компьютерная игра *Valiant Hearts: The Great War* также концентрирует внимание на судьбах простых людей, попавших в эту «кровавую бойню».

Трансформация способов изложения в учебниках истории западных стран: прогрессивный нарратив с акцентом на государство и военные победы постепенно заменяется акцентированием социальных, экономических, трагических и общегуманитарных проблем. В контексте дискуссии о содержании учебников истории весьма активную позицию занимает располагающийся в Германии Институт международных исследований учебников им. Георга Эккерта. На страницах издаваемого им журнала развернулась широкая критика национально-ориентированного подхода с его акцентами на военных достижениях и успехах (пусть даже в защиту либеральных ценностей и демократии): в зависимости от выбранных сюжетов одни авторы атакуют несостоятельность национально-патриотических мифов, другие рассматривают оправдание милитаризма в целом через акцентирование военных побед<sup>38</sup>. Причём вопрос состоит не в том, что учебники не должны реализовывать воспитательную функцию, продвигать цен-

---

<sup>37</sup> Andrews M. *Commemorating the First World War in Britain: A Cultural Legacy of Media Remembrance* // *Journal of War & Culture Studies*. 2019. Vol. 12. No. 3. P. 295–313.

<sup>38</sup> См. Ingrao Ch. *Weapons of Mass Instruction: Schoolbooks and Democratization in Multiethnic Central Europe* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 187; Scott S. *The Perpetuation of War in U.S. History Textbooks* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2009. Vol. 1. No. 1. P. 59–70; Sharp H. *Representing Australia's Involvement in the First World War. Discrepancies between Public Discourses and School History Textbooks from 1916 to 1936* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 1–23; Ayaz Naseem M. *Deconstructing Militarism in Pakistani Textbooks* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2014. Vol. 6. No. 2. P. 10–24; Haydn T. «Longing for the Past»: *Politicians and the History Curriculum in English Schools, 1988–2010* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2012. Vol. 4. No. 1. P. 9–11.



ности. Проблема в том, какими они должны быть. В частности, националистический нарратив, основанный на фигуре героя, самопожертвовании и прославлении национальных достижений, дезавуируется, вместо него в центр предлагается поставить гражданские ценности, права человека и признание ошибок прошлого. Причём любопытно на этом фоне появление ряда статей, посвящённых преподаванию истории Холокоста, где авторы делают акцент на недостаточности изучения данной темы (это перекликается с рядом российских материалов, посвящённых недостаточности изучения истории Великой Отечественной войны)<sup>39</sup>.

Развитие и увеличение популярности в 2000–2010-е годы антивоенных фильмов. Например, согласно данным «Кинопоиска», отражающим кассовые сборы в мировом кинопрокате, первый художественный фильм, отсылающий к реалиям настоящей (невыдуманной) войны, мы находим лишь на 181 месте: кинокартина Клинта Иствуда «Снайпер» (2014), посвящённая иракской войне. В центре внимания находится судьба американского снайпера, который из патриотических убеждений записался добровольцем в войска, однако постепенно война стала завладевать им, а исполнение гражданского долга превратилось в навязчивую идею. При этом если посмотреть, какие военные фильмы в 2010-е годы получали или были номинированы на премию «Оскар» в категории «Лучший фильм», то окажется, что все они являются военными драмами: «Король говорит!» (2011), «Боевой конь» (2012), «Снайпер» (2015), «Дюнкерк» (2018), «1917» (2020).

Стоит отдельно отметить, что формирование постгероических сообществ теснейшим образом связано и с технологизацией войны, в частности – с появлением беспилотных летательных аппаратов (дронов), которые способны наносить удар в то время, как их оператор находится за тысячи километров от поля боя. И хотя этот вид вооружения обладает немалыми преимуществами (дешевизна, сокращение потерь в войсках и среди гражданских лиц, высокая выборочность целей, ограничение войск от ужасов войны, снижение риска человеческой ошибки), его применение имеет свои нюансы: война воспринимается как компьютерная игра, а управляющие дронами напоминают офисных

---

<sup>39</sup> Foster S., Burgess A. *Problematic Portrayals and Contentious Content Representations of the Holocaust in English History Textbooks* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 30; Hirsch S., McAndrew M. *The Holocaust in the Textbooks and in the History and Citizenship Education Program of Quebec* // *Journal of Educational Media, Memory, and Society*. 2014. Vol.6. No. 1. P. 24–41.

сотрудников, не спаянных общими идеалами боевого братства, а работающих за зарплату<sup>40</sup>.

Говоря о распространении трагического нарратива, стоит отметить, что он не в полной мере вытесняет героический. В рамках первого, к слову, присутствуют мужество и героизм простых солдат, но на экранах кинотеатров или в музейных экспозициях они всё чаще являются отражением личной доблести, а не символом сражающейся нации. Речь идёт именно о способах культурной рефлексии на военную тему, и было бы поспешным заявлять, будто именно такое обращение к теме войн или их истории является наиболее аутентичным и деполитизированным. Так, Мемориальный музей Холокоста в Вашингтоне начинается с фотографии, показывающей освобождение концлагеря Дахау американцами, хотя этот концлагерь имеет весьма косвенное отношение к политике Холокоста в целом. В Музее Великой войны в Мо, который позиционирует себя как музей Первой мировой, а не только Западного фронта, нет практически ничего про Русский фронт. Антивоенный фильм «Дюнкерк», посвящённый трагическим событиям 1940 года и сосредотачивающий внимание на личном выборе разных участников той трагедии, содержит в себе героическо-патриотические ноты. В решающий момент, когда кажется, что сотни тысяч солдат попадут в плен и погибнут, британский офицер-морьяк на вопрос помощника «Что там?» восклицает: «Родина!» (Home) – и далее в кадр попадает множество гражданских судов, лодок, яхт, которые пришли спасать прижатых к морю британских и французских солдат. Впрочем, это торжество национального единства противопоставляется государству, которое, как утверждается, и не надеялось спасти всех.

То же самое верно и для многих компьютерных игр, создатели которых заявляют о стремлении показать противоречивость войны, однако при этом воспроизводят политизированные стереотипы. Например, в сверхпопулярном шутере Call of Duty (2003) «хорошие» советские солдаты вынуждены сражаться под руководством «плохого» советского режима, а в современной игре Call of Duty: Modern Warfare, посвящённой событиям в Сирии, при заявленном разработчиками стремлении продемонстрировать размытость границ добра и зла героями являются британские солдаты, а злодеями – русские<sup>41</sup>.

---

<sup>40</sup> Куманьков А. Д. *Война в XXI веке*. С. 265–266.

<sup>41</sup> Наумов А. «Наш Советский Союз покоряет весь мир» // *Российский совет по международным делам*. 2020. URL: [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nash-sovetskiy-soyuz-pokoryaet-ves-mir/?sphrase\\_id=34739217](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/nash-sovetskiy-soyuz-pokoryaet-ves-mir/?sphrase_id=34739217).

---

## Особый путь России

По многим параметрам, в том числе касающимся перехода к другому технологическому уровню вооружённых сил и демографической ситуации, Россия должна относиться к постгероическому обществу. Об этом свидетельствует и то, что публичное обращение к южноосетинской кампании или к операции в Сирии не сопровождается созданием новых героев. Даже найти полный перечень современных георгиевских кавалеров (пусть и без описания подвигов) составляет сложную задачу.

На периферии политики памяти остаются попытки героизации событий Второй чеченской войны, например подвига псковских десантников, хотя ввиду двадцатилетия этих событий на рубеже 2019–2020 годов им и уделили некоторое внимание на официальном уровне. Точно также сорокалетие начала (и одновременно тридцатилетие окончания) афганской войны в 2019 году прошло практически незамеченным, поддержки не получили инициативы ветеранских организаций по пересмотру постановления Съезда народных депутатов Верховного совета СССР 1989 года о моральном и политическом осуждении решения о вводе советских войск в Афганистан, а «юбилейный» фильм Павла Лунгина «Братство» (2019), снятый в антивоенном духе, провалился в прокате и вызвал отторжение у ряда «афганцев». Если говорить о событиях на юго-востоке Украины, то наиболее значимым их художественным осмыслением стал фильм Рената Давлетьярова «Донбасс. Украина» (2019), который придерживается классического трагического нарратива. Вооружённый конфликт представлен как трагедия гражданской войны, её политические и международные аспекты опускаются, она предстаёт как некое бедствие, перед лицом которого каждый из персонажей должен сделать собственный моральный выбор. Главный положительный герой, ополченец Анатолий Ткаченко, предстаёт именно народным защитником, вынужденным взять в руки оружие, а не представителем той или иной политической силы. В качестве исключения можно назвать фильм Андрея Волгина «Балканский рубеж» (2019), который посвящён взятию российскими миротворцами аэропорта в Приштине вскоре после бомбардировок Югославии силами НАТО. Страдания сербского населения здесь дополнены вполне героической историей, где русские (пусть и подчёркивается, что все участники боевой группы – выходцы с постсоветского пространства и разного этнического происхождения) предстают защитниками сербов. Не просто героико-патриотическая, но именно имперская тональность проходит сквозной линией через весь сюжет.

Военные образы в России по преимуществу являются историческими. Причём официальная политика памяти вкладывает их в логику прогрессивного, героического нарратива. Именно вокруг него, где в центре находится государство, а главной добродетелью становится служение ему, осуществляется символическая сборка российской нации.

Наиболее значимой в этом плане является Великая Отечественная война, ставшая «мифом основания» российской нации. Основная задача заключается в том, чтобы сделать её «более повседневной», более близкой для обычных людей. Это происходит в том числе за счёт расширения символического пространства посредством установки памятников. За последние годы по всей России только по линии Российского военно-исторического общества были установлены десятки новых (наследующих эстетически традиции советского монументализма) памятников, более 3000 памятных досок появились на стенах школ, где учились Герои Советского Союза. Другая стратегия – поддержка новых, интерактивных форматов репрезентации памяти. Это и развитие военно-реконструкторского движения, и использование мультимедийных музейных технологий (например, радикальная трансформация экспозиции Музея Победы в 2019–2020 годах), и поддержка различных интернет-проектов.

В середине 2010-х годов была найдена новая форма репрезентации памяти о Великой Отечественной войне – акция «Бессмертный полк», которая позволила соединить многочисленные личные истории в рамках общегосударственных торжеств. Отметим, что успех этой акции за рубежом (например, в Берлине в ней участвуют тысячи соотечественников) позволил впервые явить в прямом смысле слова тот самый «русский мир», вокруг которого было сломано множество копий начиная с 2000-х годов. И хотя теоретически это понятие страдает внутренней противоречивостью, а методы реализации политики перманентно вызывают критику и в экспертных кругах, и среди самих соотечественников, стоит отметить, что именно обращение к военно-историческим образам позволило публично со всей яркостью и пестротой обозначить «русский мир».

В 2010-е годы масштабной коммеморации подверглись и другие войны – Отечественная война 1812 года и Первая мировая. Все они на уровне официальной коммеморации вписывались в контекст национально-ориентированного, героического нарратива, причём трагические стороны вытеснялись на периферию публичного пространства. Так, за пять лет, благодаря деятельности государства, но, прежде всего, разномастных

общественных организаций, были установлены по всей России более ста памятников и памятных знаков, посвящённых воинам тех лет. Наиболее крупные монументы (например, памятники героям Первой мировой войны в Москве на Поклонной горе и в Калининграде) наследуют традиции советского героического, монументального искусства. А, возможно, единственный из этого множества памятник, передающий трагедию той войны, находится в небольшом районном центре Гусеве Калининградской области. Речь идёт о скульптуре Михаила Шемякина с символическим названием «Памяти забытой войны, изменившей ход истории», основным инициатором его создания выступила частная компания. Таким образом, можно сказать, что даже у общественных организаций, участвующих в процессах коммеморации, трагическая сторона той войны оказалась не востребована<sup>42</sup>.

О доминировании национально-героических образов свидетельствует и отечественный художественный кинематограф. По данным «Бюллетеня кинопрокатчика», за 2004–2020 годы в топ-20 как по количеству зрителей, так и по сборам среди всех фильмов мы обнаруживаем одну военно-историческую картину: «Т-34». Если мы возьмём тот же показатель (рейтинг сборов) только отечественных фильмов за 2004–2020 годы, то 3-е и 6-е места делят фильмы про Великую Отечественную войну («Т-34» и «Сталинград», соответственно), 7-е место – «Викинг». Если брать за тот же период двадцатку наиболее посещаемых фильмов, то в ситуации ещё больше изменится: 3-е место – «Т-34», 9-е место – «Сталинград», 10-е место – «9-я рота», 11-е место – «Викинг», 13-е место – «Адмирал», 16-е – «Турецкий гамбит»<sup>43</sup>. Это свидетельствует о стойком интересе к военным фильмам, причём, если исключить вышедшую пятнадцать лет назад «9-ю роту», то в большинстве других кинокартин доминирует именно героическая составляющая. Показательно, что самым успешным примером краудфандинга в отечественном кинематографе стал фильм Кима Дружинина и Андрея Шальопы «28 панфиловцев» (2016), создатели которого намеренно отказались от любых любовно-драматических и политических линий, сосредоточив всё внимание исключительно на военном мужестве.

<sup>42</sup> Подробнее это направление коммеморации мы рассматривали здесь: Пахалюк К. А. Институционализация памяти о Первой мировой войне в России (к завершению 100-летнего юбилея) // Проблемы сохранения памяти и мемориализации наследия Первой мировой войны. - М.: Институт Наследия, 2019. С. 84–114.

<sup>43</sup> Бюллетень кинопрокатчика. Статистика. URL: <http://www.kinometro.ru/kino/analitika>.

Однако поскольку война не является частью повседневного опыта большинства россиян, а военные образы в медиа и искусстве достаточно выхолощены, то доминирование героической репрезентации может создать угрозу не просто забвения трагических сторон войны, но и формирования представлений, будто война есть не более чем забавная игра. И здесь мы сталкиваемся с замещением образов войны её знаками. Ярким примером является военно-историческая реконструкция, участники которой демонстрируют пристальное внимание к элементам вооружений, военной формы, отдельным тактическим приёмам. Тем самым точность в воспроизводстве отдельных материальных элементов выдаётся за «историческую правду». Этот подход прослеживается и в публичных дискуссиях, когда тот или иной фильм на историческую тематику начинает критиковаться за неправильно (неаутентично) подобранный реквизит, в то время как смысловая сторона отходит на второй план. Одним из следствий является, например, то, что режиссёры, уделяя внимание точному воспроизводству деталей, находят в этом защиту от претензий в неисторичности. Например, при продвижении упомянутого выше фильма «28 панфиловцев» создатели делали акцент как раз на точности воспроизведения деталей, хотя общая фабула сюжета является советским мифом. Другим ярким примером предстаёт самый успешный отечественный военный фильм Алексея Сидорова «Т-34» (2018). Сюжет строится вокруг истории экипажа советского танка, которому в 1941 году удалось уничтожить целую танковую роту противника, а потом, после попадания в плен, бежать на танке из концлагеря. Немцы здесь показаны недалёким и по большому счёту слабым противником, что превращает героический подвиг в увлекательный квест. Внимание к отдельным знакам эпохи, с точностью воспроизведённым на экране (элементы униформы, тактика боевых действий танка, звуки войны), должно придать картине достоверности. Но вместе с этим война со всей своей сложностью, трагичностью и героизмом (который невозможно понять без указания на то, что СССР сражался с весьма сильным врагом) выхолощивается до героического комикса, который не отражает реалий прошлого, не даёт пищу для размышлений и даже не демонстрирует примеров для подражания.

Таким образом, говоря об образах войны в современной культуре, необходимо обращать внимание не только на политические импликации (проблему легитимации использования вооружённого насилия или поиск оснований коллективных идентичностей), но и на общее восприя-

тие норм профессиональных военных сообществ в обществе (является ли общество героическим или постгероическим), а также на принципы организации рассказов о войне в целом.

Ни прогрессивный, ни трагический нарративы не являются принципиально «лучше» или «хуже» друг друга. В обоих случаях существует возможность и искажения истории, и политической пропаганды, и выхолощивания событий до одномерной картины. Примечательно, что даже в Германии все чаще начинают говорить о том, что память о Холокосте низведена до воспроизводства ритуалов и клише. Ключевая задача, наверное, состоит в том, чтобы оба нарратива в достаточной мере присутствовали в публичном пространстве, поскольку политически опасным является продвижение только образов героев без обсуждения проблем ответственности за применение военной силы. Неготовность культурных институций акцентировать трагедию войны будет потенциально способствовать усилению политических «ястребов», в то время как отказ от героизма сделает затруднительным массовую мобилизацию в случае военной угрозы.

Понимание принципов культурной логики разных стран имеет значение в рамках межкультурных взаимодействий и при реализации внешнеполитических стратегий, обозначаемых расплывчатым термином «мягкая сила». Вряд ли российские героические образы будут широко восприняты и приняты теми, кто привык к другому восприятию войны. В этом плане попытки устанавливать памятники своим героям за рубежом не будут оказывать достаточного влияния, а в случае ухудшения отношений эти памятники станут предметом атак со стороны политических радикалов.

Впрочем, стоит помнить, что в международно-политическом плане важен в первую очередь вопрос легитимности применения вооруженного насилия, причём значение имеет не только информационная борьба за интерпретацию конкретных случаев, но и создание тех институций, которые могли бы в целом продуцировать и авторитетные оценки вооруженных конфликтов, и влиять на формирование самих норм, определяющих, что такое легитимное вооруженное насилие сегодня в принципе. Ключевая проблема, на наш взгляд, заключается в том, что сегодня Россия сосредоточена прежде всего на решении первых, узко-политических и ситуативных, задач, но, к сожалению, игнорирует вторые.



Маттиас Уль

---

## 8 мая в немецкой культуре памяти

Культура памяти важна для коллективного историко-политического сознания – она служит формированию общности. 9 мая 1945 года в Советском Союзе и современной России является днём, когда гитлеровская Германия была окончательно побеждена и Великая Отечественная война завершилась после бесчисленных жертв и страданий. Эту дату отмечают и по сей день. По-иному развивалась ситуация в Германии, где отношение к этому дню всегда было непростым. А вот отношение к дню 8 мая в какой-то мере отражает то, как развивалась культура памяти и политическая культура в Германии.

Оккупация Германии войсками союзников покончила с войной. Она не была непосредственным актом освобождения от национал-социалистической диктатуры, но соответствовала принципам войны и международного права. Когда в начале июля 1945 года советские войска продвинулись в районы к западу от Эльбы, оставленные американцами и англичанами, их в городах и общинах на немецкой земле официально приветствовала как освободителей Коммунистическая партия Германии. В Лейпциге немецкие коммунисты встречали вступавшие части Красной Армии с такими, например, транспарантами: «Красный Лейпциг приветствует Красную Армию» или «Да здравствует Советская Саксония, будущая советская республика». Жители Эрфурта «требовали» даже «объединения с Советским Союзом».

С апреля 1945 года произошло смещение фокуса в официальном отношении советских военных к Германии. По словам американского историка Нормана Наймарка, «интерес сместился к стремлению установить диалог с антифашистами и другими прогрессивными элементами немецкого общества»<sup>44</sup>. Тем не менее главной задачей для советских Вооружённых сил весной 1945 года оставался разгром национал-социализма и победа над Германией. В отличие от стран Восточной Европы для Германии поначалу официально не существовало освободительной миссии. Целью всех усилий была лишь полная

---

<sup>44</sup> Naimark N. *The Russians in Germany: a history of the Soviet Zone of occupation. 1945–1949.* Cambridge, 1995. S. 76.



победа над ней. Поэтому и медаль, посвящённая окончанию войны, которой после 9 мая 1945 года были награждены миллионы, называлась «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

## 8 мая как День освобождения в ГДР при Вальтере Ульбрихте

Для Коммунистической партии Германии освобождение должно было стать устойчивым мифом в рамках государственной самоидентификации, как её понимал коммунист Вальтер Ульбрихт, ибо основание Германской Демократической Республики (ГДР) и её социалистическая трансформация представлялись временной кульминацией непрерывного восходящего движения, начало которому было положено освобождением. Вальтер Ульбрихт и после 1945 года придерживался определения фашизма, данного Коминтерном<sup>45</sup>, и таким образом профилактически освободил ГДР как «прогрессивную альтернативу» в германской истории от наследия национал-социализма. В соответствии с этим коммунистическая эмиграция, коммунистическое сопротивление и сокрушение национал-социализма советскими Вооружёнными силами воспринимались как определяющие исторические предпосылки создания «первого социалистического государства на немецкой земле».

«Освобождение немецкого народа от гитлеровского фашизма Советским Союзом и его союзниками, – говорится в книге по истории ГДР, изданной в 1981 году в Восточном Берлине, – открыло шанс исторического поворота и строительства демократического и прогрессивного миролюбивого германского государства»<sup>46</sup>. Констатация того факта, что восточные немцы 8 мая 1945 года были освобождены, до конца существования ГДР создавала важнейшую основу легитимации правления Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Режим мог извлекать моральную выгоду из тезиса об освобождении, ибо «сомневаться

<sup>45</sup> Цитата из определения фашизма, сформулированного Коминтерном в 1930-е годы: «Фашизм – это не надклассовая власть и не власть мелкой буржуазии или люмпен-пролетариата над финансовым капиталом. Фашизм – это власть самого финансового капитала. Это организация террористической расправы с рабочим классом и революционной частью крестьянства и интеллигенции. Фашизм во внешней политике – это шовинизм самой грубейшей формы, культивирующий зоологическую ненависть против других народов».

<sup>46</sup> Badstübner R. u.a. (Hrsg.) *Geschichte der Deutschen Demokratischen Republik*. Berlin, 1981. S. 28.

в вызывающем отвращение характере гитлеровского государства при взгляде на оставленные им горы трупов не приходилось»<sup>47</sup>.

Национал-социализм был побеждён прежде всего Советским Союзом, пожертвовавшим ради достижения этой цели более чем 27 миллионами человеческих жизней. Тем самым СССР, согласно логике СЕПГ, принёс жителям Восточной Германии свободу, необходимую для изменения политической системы. В то же время государство, созданное в советской оккупационной зоне, демонстративно отмежевалось от Федеративной Республики, где бывшие функционеры Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) снова заняли важные позиции. Освобождение, совершённое Красной армией, превратилось в основополагающий миф создания ГДР.

КПГ уже с 1945 года пыталась сделать понятие освобождения достоянием общественности. В этом ей оказывали поддержку бывшие борцы Сопротивления в рядах Социал-демократической партии (СДПГ), Христианско-демократического союза (ХДС) и Либерально-демократической партии (ЛДПГ), в частности Отто Гротеволь, Якоб Кайзер, Андреас Гермес. С 1945 года они говорили об освобождении, но советская цензура регулярно вычёркивала это понятие, проникнутое немецкой амбициозностью, из рукописей выступлений и газетных статей. На его место советские цензоры ставили сначала формулировку о «крахе антинародного режима агрессивной гитлеровской Германии»<sup>48</sup>.

Только основание ГДР сделало возможной смену парадигмы. Согласно решению Народной палаты ГДР от 21 апреля 1950 года, день 8 мая был провозглашён официальным праздником – Днём освобождения. В конечном счёте, говорилось в тексте закона, «в этот день [...] начался новый период германской истории, в котором немецкий народ при содействии всех прогрессивных, антифашистско-демократических сил был направлен из бедствий и нищеты к жизни в условиях свободы, мира и благосостояния. [...] Поэтому 8 мая 1945 года и 7 октября 1949 года – поворотные пункты в нашей новой германской истории, значение которых является определяющим для дальнейшего развития немецкого народа и сохранения мира во всём мире»<sup>49</sup>.

---

<sup>47</sup> Knabe H. *Tag der Befreiung? Das Kriegsende in Ostdeutschland*. Berlin, 2005. S. 19.

<sup>48</sup> Foitzik J. *Sowjetische Hegemonie und Ostintegration in der DDR* // Hoffmann D., Schwartz M., Wentker H. (Hrsg.) *Vor dem Mauerbau. Politik und Gesellschaft in der DDR der fünfziger Jahre*. München, 2003. S. 41.

<sup>49</sup> *Gesetzblatt der DDR*. 1950. Nr. 46. S. 355.

Когда 11 мая 1950 года Иосиф Сталин официально поздравил ЦК СЕПГ и председателя Совета министров ГДР Гротевоя с годовщиной «освобождения немецкого народа от тирании фашизма», то тем самым он благословил день освобождения как официально закреплённый кульминационный пункт, который, по мнению историка Кристофа Классена, «должен был при помощи семантически созданного образа жертвы придать ауру святости и неприкосновенности светскому, едва ли способному получить поддержку большинства проекту коммунистического устройства Германии»<sup>50</sup>.

Однако Советский Союз при этом не претендовал на роль освободителя немцев. В самом СССР оставался неизменным постулат о «подавлении и разгроме фашистской Германии», сформулированный ещё в 1945 году. Ни в одном крупном историографическом труде о Второй мировой войне, созданном в Советском Союзе, не говорилось об освобождении Германии. Красная армия освобождала страны Восточной и Южной Европы, даже Австрию. Германия же, согласно советской историографии, была «побеждена» и «разгромлена» советскими войсками.

Выдвинутая немецкой стороной ещё до 1949 года идея освобождения поначалу возникла прежде всего из дискурса тех, кто подвергался преследованиям при национал-социализме, и была для этой группы в высшей степени убедительной. Она отвечала стремлению меньшинства обосновать при помощи истории свои притязания на моральное и политическое руководство страной. Эти публично выдвинутые претензии были, однако, уже давно нацелены на реорганизацию Германии под коммунистической эгидой. Вследствие этого обязательно требовалось сформировать и канонизировать историческую трактовку понятия освобождения. Если поначалу речь шла об обосновании элитарного статуса меньшинства, то самое позднее с момента создания ГДР понятие освобождения служило конструированию идентичности в масштабах всего общества «благодаря тому, что дискурс преследовавшихся и борцов Сопrotивления превратился в интегральную составную часть коммунистического дискурса господства и тем самым прекратил существование в качестве дискурса меньшинства»<sup>51</sup>.

<sup>50</sup> Classen C. *Vom Anfang im Ende: «Befreiung» im Rundfunk* // Sabrow M. (Hrsg.) *Geschichte als Herrschaftsdiskurs. Der Umgang mit der Vergangenheit in der DDR. Köln/Weimar/Wien, 2000. S. 100.*

<sup>51</sup> Classen. *Vom Anfang im Ende. S. 101.*

В последующие годы господства СЕПГ обозначилась тенденция лишить событие освобождения конкретизации. Ежегодно отмечавшиеся дни памяти с их формальной привязкой к 8 мая 1945 года являлись некой проекцией не поддававшегося более точному определению антифашизма, который характеризовался с помощью таких неясных понятий, как «жертва», «борец» и «патриот», и апеллировал к проведению различий между войной и миром.

Этот «расплывчатый антифашизм» представлял собой компромисс между государственной верхушкой и населением. Официальная культура воспоминаний в ГДР была сведена к стереотипам и штампам в обращении с национал-социалистическим прошлым, причины чего коренились в противоречии между индивидуальными воспоминаниями и интерпретациями, легитимирующими господство.

Одновременно этот процесс лишения конкретизации характеризовался смещением ориентира во времени из прошлого в настоящее и будущее. Так, Neues Deutschland к двадцатой годовщине Дня освобождения вышла под заголовком: «Будущее принадлежит нам!» В то же время впервые в истории ГДР в Берлине состоялся совместный официальный военный парад частей Национальной народной армии ГДР и Группы советских войск в Германии. При этом солдаты проходили торжественным маршем перед лидером СЕПГ Вальтером Ульбрихтом и председателем Совета министров СССР Алексеем Косыгиным, а также другими высокопоставленными партийными и государственными деятелями, что должно было символизировать своего рода общую победу в классовой борьбе против Запада.

---

## Смещение акцентов при Эрихе Хонеккере

26 мая 1967 года Народная палата ГДР, вводя пятидневную рабочую неделю, без лишнего шума объявила День освобождения обычным рабочим днём. Тем не менее официальные памятные мероприятия и впредь проводились каждый год до конца существования ГДР. Демонстрировавшийся при этом антифашизм формировал национальное представление ГДР о самой себе. Руководству СЕПГ удалось прочно внедрить в политическую повседневность антифашизм и освобождение в качестве мифов, положенных в основу создания государства. Но в силу специфических структурных условий развивалась одна господствовавшая

культура воспоминаний, едва ли оставлявшая свободное пространство для других её форм. В центре официальных воспоминаний были, прежде всего, коммунистическое Сопротивление и борьба за освобождение, которую вёл Советский Союз.

Антифашизм оказался в ГДР связанным со многими сферами повседневной культуры. Многочисленные школы, улицы и площади были названы именами борцов коммунистического Сопротивления или советских освободителей, по всей территории ГДР сооружались мемориалы, свидетельствовавшие об антифашистской борьбе и подвиге советских солдат. В рамках акций памяти в связи с Днём освобождения граждане клялись на жалеть сил для преодоления прошлого. Вновь и вновь повторявшаяся фраза, что на земле ГДР «с корнем вырваны» фашизм, расовая и этническая ненависть, была призвана наглядно продемонстрировать этот радикальный разрыв с прошлым.

Не последнее место в ходе этих акций занимали братские кладбища советских воинов, а также мемориалы и памятники жертвам фашизма. Памятные ансамбли, расположенные на больших площадях, были спроектированы с расчётом на массовые посещения: солдаты Национальной народной армии ГДР принимали здесь военную присягу, посещение памятного места являлось обязательной частью ритуала гражданской конфирмации.

Важную роль антифашистское воспитание и тематика «8 мая – День освобождения от фашизма и войны» играли в системе образования. Согласно методическим указаниям, цель использования этих событий в учебном процессе заключалась в том, чтобы заложить у школьников на основе «исторических фактов [...] прочную базу знаний», сформировать «эмоциональное отношение школьников к освободительной миссии Советской Армии». Для этого учителям надлежало обладать «знаниями о самопожертвовании и героизме советских солдат при освобождении Германии от фашизма и о бескорыстной помощи советской державы нашим трудящимся в социалистическом строительстве»<sup>52</sup>. При этом обращение к собственному или индивидуальному историческому опыту было не очень востребовано.

Формы воспоминания всё явственнее подчинялись цели обретения коллективной, якобы национальной идентичности. Антифашистские

---

<sup>52</sup> *Heimatkunde – Methodische Beiträge. Berlin, 1984. S. 36.*

ритуалы слишком часто были отдалены от личных воспоминаний, а значит, от глубокого их осмысления, что способствовало снятию бремени с совести немцев Восточной Германии. Культ личности и мифотворчество не оставляли места для действительного постижения истории, которое всегда требует серьёзной конкретизации воспоминаний. Личный опыт, накопленный во времена национал-социализма, вытеснялся, отодвигался в частную сферу и там оказывался вне контроля со стороны государства. Воспоминаниям об окончании войны, которых последовательно избегала историография ГДР, посвящали свои произведения отдельные писатели, в частности Вольфганг Бирман и Криста Вольф. Однако официальное обсуждение этой темы не поощрялось.

Тот факт, что популяризация пропагандистской исторической картины освобождения всё же была успешной, объяснялся прежде всего тем, что восточным немцам это давало освобождение и от собственного прошлого. Граждане ГДР жили в государстве, которое определяло себя как «антифашистское» и основатели которого декларировали разрыв с национал-социализмом. Следовательно, никто в ГДР больше не должен был чувствовать себя ответственным за преступный национал-социалистический режим. Таким образом, в восточногерманском государстве постепенно распространилось представление о том, что нацисты находились только в Федеративной Республике, тогда как население Восточной Германии всегда стояло на стороне освободителей.

«Предписанный антифашизм» добился успехов, ибо ритуализация освобождения и поверхностный подход к нему увенчались отпущением грехов, которое государство дало собственным гражданам. Последние думали, что благодаря радикальному изменению общества сумеют избавиться от тягостного прошлого, к которому не хотели больше иметь никакого отношения. О том, насколько успешно способствовала вытеснению прошлого эта пропаганда с помощью истории, свидетельствует высказывание некой ученицы одной из средних школ ГДР. На вопрос, кто выиграл Вторую мировую войну, она без долгих размышлений ответила: «Советский Союз и ГДР».

Здесь остаётся констатировать, что в то время, как в Федеративной Республике велись в конечном счёте острые дебаты вокруг воспоминаний, в ГДР – и это бросается в глаза – такого рода дискуссий не было. Следовательно, наряду с расхожей концепцией антифашизма альтернативные предложения об обращении с прошлым утвердиться не могли. Все общественные дискурсы управлялись государством вплоть до конца его существования. Это

не способствовало формированию критически настроенной общественности, в среде которой могли бы обсуждаться различные точки зрения, касающиеся осмысления национал-социализма в историческом контексте. В таких условиях не мог состояться и глубокий общественный дискурс о национал-социализме и его преступлениях.

Понятие «антифашизм по приказу» подразумевало стабильную пассивность большинства населения. Широкая собственная инициатива общества по осмыслению исторического прошлого никак не проявлялась. К концу существования ГДР антифашистская идейная концепция уже не была в состоянии привязывать граждан к государству. Всё сильнее обнаруживались недостатки в предписанном антифашистском воспитании, прежде всего молодёжи. Это факт, что в ГДР конца 1980-х годов было более 800 зафиксированных неонацистов. Ретроспективный взгляд показывает, что в государстве СЕПГ у многих граждан антифашизм ассоциировался с отвергавшейся ими политической системой. Немалое число восточных немцев воспринимало её абстрактные ритуалы лишь как выполнение обязательной программы, предписанной государством. К тому же постоянное манипулирование этим понятием заставило их усомниться в искренности антифашистских позиций. Тем самым возможность подлинного и воплощённого в жизнь антифашизма в ГДР была просто-напросто упущена.

---

## 8 мая и Федеративная Республика Германия в 1950-е годы

8 мая 1949 года позволяет сделать некоторые выводы о полярности позиций по отношению к этой дате в последующее десятилетие. 8 мая 1949 года, в четвёртую годовщину окончания войны, Парламентский совет в Бонне принял Основной закон (Конституцию) и не мог обойти эту символическую дату. Так был обращён взгляд на путь, пройденный с 1945 года.

В этот день депутат от СДПГ Вальтер Менцель напомнил об ответственности национал-социализма за произошедшее. А Теодор Хейс, выступавший от имени СвДП, а вскоре после этого избранный первым президентом Федеративной Республики Германия, высказал мысль, что, по существу, день 8 мая 1945 года заключает в себе для каждого «самую трагическую и спорную парадоксальность истории [...] поскольку



мы одновременно спасены и уничтожены»<sup>53</sup>. Как уже говорилось, 8 мая не является причиной праздника для немцев.

В Западной Германии в 1950-е годы преобладал подход, согласно которому 8 мая 1945 года рассматривался как день тотального поражения немцев во Второй мировой войне. Данная позиция была связана с тем, что война, несмотря на её империалистические и расистские целевые установки, истолковывалась большинством западных немцев как война народов, которую немцы развязали, вели и проиграли. Точка зрения, что имело место освобождение, не доминировала первоначально и среди союзников. Симптоматична, к примеру, директива JCS1067 Объединённого комитета начальников штабов американских Вооружённых сил от 26 апреля 1945 года, в которой говорится: «Германия будет оккупирована не с целью освобождения, а как побеждённое вражеское государство»<sup>54</sup>. Политика денацификации и перевоспитания была лишь относительно совместима с перспективой освобождения, однако давала шансы на будущее. Противоречивость была присуща и политике других союзников. Не в последнюю очередь раздел Германии был самым серьёзным последствием войны и подкреплял восприятие 8 мая в качестве дня поражения. К этому добавлялась проблема изгнания немцев с территорий по ту сторону Одера и Нейсе и из других традиционных районов расселения в Восточной и Юго-Восточной Европе, бросавшая тень на 8 мая как отправную точку новой эпохи.

Относительно небольшой интерес к 8 мая 1945 года в ФРГ, не возросший даже по случаю торжеств в ГДР, иллюстрировал подход к 8 мая, наблюдавшийся в 1955 году, то есть 10 лет спустя. Официальный Бонн праздновал в это время окончание периода оккупации, а также заключение договоров о присоединении к западному сообществу и почти не обратил внимания на годовщину окончания войны и национал-социалистического господства, если не считать выступления по радио председателя бундестага Ойгена Герстенмайера, в котором он, хотя и призывал к мирному урегулированию с Советским Союзом, но при этом отверг всякую политику лавирования. Комментарии в печати отражали преобладавшие установочные клише, в соответствии с которыми, например во *Frankfurter Allgemeine*, Гитлер характеризовался как демон, тезис о коллективной вине отвергался, а проводившаяся союзниками политика перевоспитания критиковалась. Правда, звучали и голоса тех,

---

<sup>53</sup> *Parlamentarischer Rat: Stenographische Berichte über die Plenarsitzungen in Bonn. 1948/49. S. 234.*

<sup>54</sup> *Direktive JCS 1067. URL: [http://ghdi.ghi-dc.org/sub\\_document.cfm?document\\_id=2297&language=german](http://ghdi.ghi-dc.org/sub_document.cfm?document_id=2297&language=german).*



кто призывал задуматься, напоминая о пути к 8 мая 1945 года. В связи с этим можно назвать журналиста Харри Просса, писателя Гельмута Голльвитцера и историка Ханса Ротфельса, которые рассматривали предысторию этой даты, начиная с 1933 года.

---

## 8 мая и Федеративная Республика Германия 1960-х и 1970-х годов

Отношение западногерманского общества к периоду национал-социализма стало сильно меняться в начале 1960-х годов. Это был длительный процесс, который в конце концов привёл к изменениям в интерпретации 8 мая 1945 года.

Большие усилия были приложены к тому, чтобы исследовать предысторию 1933 года. Изучались также процессы, происходившие в Третьем рейхе, особенно выдвинувшийся с 1960-х годов в центр представлений о национал-социалистическом режиме вопрос о том, как объяснить убийство евреев. Параллельно этому война и страдания немцев всё более отходили на задний план. 8 мая 1945 года больше нельзя было отделить от истории, начавшейся в 1933 году.

Подрастающим поколениям стало легче смотреть в лицо правде, в соответствии с которой после поражения Сопrotивления, после 20 июля 1944 года, национал-социалистический режим мог быть побеждён только внешними силами. Эти поколения не приносили жертв войне и после придания гласности национал-социалистических преступлений не отождествляли себя с деяниями немцев во время войны, с вермахтом и военной машиной в целом. Из-за различного отношения к периоду национал-социализма существовала напряжённость между поколениями немцев.

Всё это нашло своё отражение в изменившемся отношении к дате 8 мая. В 1965 году двадцатая годовщина окончания войны вызвала значительный резонанс в публицистике. С одной стороны, федеральный канцлер Людвиг Эрхард предостерегал сограждан от вытравливания из памяти «пагубного времени диктатуры». С другой стороны, политический Бонн 8 мая 1965 года демонстративно отсутствовал на приёме, устроенном советским послом. 1960-е годы были переходным периодом,

когда Федеративную Республику настигло национал-социалистическое прошлое.

Федеральный канцлер Вилли Брандт, считавший себя главой правительства не побеждённой, а освобождённой Германии, выступил по поводу 8 мая 1970 года в Бундестаге, несмотря на сопротивление ХДС/ХСС, с правительственным заявлением. По этому же поводу произнёс речь и президент страны Густав Хайнеман. Таким образом, официальный Бонн впервые отреагировал на 25-ю годовщину этой даты, связав свою позицию с желанием установить «добрососедство» на всех направлениях, в том числе и на Востоке. Эти перемены, в том числе такие символические жесты, как коленопреклонение Брандта перед памятником павшим участникам восстания в Варшавском гетто, были, несомненно, проявлением изменившейся позиции. В соответствии с ней жертвы бывшего противника рассматривались совершенно по-новому. Смысл 8 мая 1945 года, дня окончания войны, поражения, обогатился наличием «шанса на начало новой эпохи» (Вилли Брандт). Хайнеман в речи, произнесённой по случаю своего вступления на пост президента, вспомнил слова Теодора Хейса о парадоксальности конца войны («мы спасены и уничтожены»).

В 1975 году эта направленность в толковании прошлого была официальным Бонном углублена. Федеральный канцлер Гельмут Шмидт в связи с днём 8 мая выступил с заявлением на заседании правительства, но главным событием была речь президента Вальтера Шееля, в которой он, характеризуя 8 мая как «момент самопроверки», подчеркнул, что несвобода началась не в 1949-м или 1945 году, а в 1933-м: «Тирания, война, уничтожение евреев, разрушение и раздел нашей страны – всё это последствия 1933 года. Если мы вспоминаем о 17 июня 1953 года, то нельзя забывать о необходимости, помнить о 1933-м». Гитлер не был «неотвратимой судьбой»<sup>55</sup>. В 1975 году у власти социально-либеральной коалиции уже очень чётко обозначился новый взгляд на 8 мая как на День памяти.

Правда, были и протесты оппозиции, прежде всего со стороны её национально-консервативного крыла и союзов изгнанных. По их мнению, при формировании нового взгляда на историю, в том числе на 8 мая, не была принята во внимание несправедливость, жертвами

---

<sup>55</sup> *Walter Scheel: 30 Jahre nach dem Krieg. Rede in der Schlosskirche zu Bonn am 6. Mai 1975 // Scheel W. Vom Recht des anderen. Gedanken zur Freiheit. Düsseldorf/Wien, 1977. S. 35.*

которой стали многие немцы. Оппозиционеры резко атаковали новую восточную политику Бонна, но при этом всё больше оказывались на обочине политической жизни, откуда их не смог в пору своего канцлерства вытащить и Гельмут Коль, хотя на него возлагались немалые надежды. Страдания, которые претерпела эта часть немцев, в возрастающей степени была лишь их собственным опытом, а не всего немецкого общества.

---

## 1980-е годы: 8 мая как День освобождения в Федеративной Республике Германия

1980-е годы были в Федеративной Республике временем острого противоборства по историко-политическим вопросам, в ходе которого речь шла о тогдашней самоидентификации и не в последнюю очередь о роли ФРГ в современном мире. Особенно острая дискуссия о 8 мая развернулась в 1985 году в связи с сороковой годовщиной окончания войны. За торжествами союзников по поводу сорокалетия высадки в Нормандии Гельмут Коль и члены его правительства наблюдали с явным неудовольствием. Поэтому шёл поиск символических акций, позволяющих продемонстрировать примирение с прежними противниками, что делает неуместным столь широкое внимание к 8 мая.

Председатель фракции ХДС/ХСС в Бундестаге Альфред Дреггер видоизменил ставившийся ранее вопрос о том, что, собственно, праздновать немцам. По его мнению, радоваться поражению Гитлера может каждый европеец и демократ, а победе Сталина – нет. В конце Тридцатилетней войны Европа находилась перед величайшей катастрофой в своей истории, но невозможно праздновать катастрофы. Интересно, что журналист Рудольф Аугштайн в *Der Spiegel* в основном согласился с Дреггером. Но против этого звучали голоса тех, кто хотел отмечать 8 мая как День освобождения (в частности за это высказывалось Объединение немецких профсоюзов). Полемика обрела собственную динамику, тем более что этот вопрос переплелся с дебатами по поводу посещения президентом США Рональдом Рейганом солдатского кладбища в Битбурге, которое было задумано в качестве жеста исторического примирения. Однако под давлением немецкой и американской общественности в дополнение к этому в программу пришлось включить ещё и посещение президентом мемориала на территории бывшего концлагеря Берген-Бельзен.

В литературных отделах газет развернулась широкая и ещё невиданная в Федеративной Республике дискуссия о 8 мая, сопровождавшаяся поляризацией мнений, которой прежде также не было равных. Достижением тогдашнего федерального президента Рихарда фон Вайцзеккера стала произнесённая на собрании бундестага, посвящённом памяти жертв войны, речь в связи с 8 мая, в которой он отдал должное этой дате как Дню освобождения и в то же время попытался учесть разный для Германии и Европы в целом опыт Второй мировой войны. Вайцзеккер упомянул о судьбах разных групп граждан, стремясь поместить этих людей в нарисованную им картину, настойчиво повторив при этом: «8 мая было Днём освобождения. Этот день освободил всех нас от системы, проникнутой презрением к человеку – системы национал-социалистической тирании». Также он особо подчеркнул, что геноцид евреев был «неслыханным в истории»<sup>56</sup>.

Двадцать лет спустя после этого выступления с полным основанием отмечалось: «Речь Вайцзеккера 8 мая 1985 года в рамках поставленной перед ним объединяющей задачи быть представителем всего населения удивительно чётко и обширно отразила отношение немцев к своей памяти»<sup>57</sup>.

---

## 8 мая в объединённой Германии

Как развивалась оценка 8 мая после эпохального поворота 1989–1990 годов? Под влиянием произошедших изменений не был сформирован антитезис той вехе, которой стал 1945 год, но преодолёнными в 1989–1990 годы оказались некоторые тенденции, доминировавшие в 1945-м: например, раздел Германии и антагонизм между Востоком и Западом.

50 лет спустя, в 1995 году, события 1945 года снова стали актуальны. При этом в Германии оказались в центре внимания именно те, кто выжил в концлагерях, для кого окончание войны было непосредственным освобождением. И в целом возобладал тезис об освобождении. Федеральный президент Роман Херцог нарисовал картину всеохватывающей катастрофы и, хотя не столь ярко, как Вайцзеккер, всё же подчеркнул при этом значение момента освобождения.

---

<sup>56</sup> Von Weizsäcker R. Zum 40. Jahrestag der Beendigung des Krieges in Europa und der nationalsozialistischen Gewaltherrschaft. Ansprache am 8. Mai 1945 in der Gedenkstunde im Plenarsaal des Deutschen Bundestages. Bonn, 1985.

<sup>57</sup> Hurrelbrink P. Der 8. Mai 1945 – Befreiung durch Erinnerung. Bonn, 2005. S. 218.

После 1989–1990 годов началось преодоление исторических противоречий (в том числе касающихся и церемоний в связи с 8 мая) между Германией, теперь объединённой, и её бывшими противниками в войне. В 1995 году эта тенденция достигла первой кульминации и имела продолжение через десять лет. Так, в 2005 году местом проведения главных торжеств стала Москва. Жест Владимира Путина, проникнутый духом примирения с немцами, привлёк всеобщее внимание.

В 2015 году председатель Бундестага Норберт Ламмерт заявил, что 8 мая 1945 года было Днём освобождения: «Но это не был день немецкого самоосвобождения, – подчеркнул Ламмерт. – Наши мысли и уважение должны были быть направлены прежде всего к тем, кто с огромными потерями положил конец национал-социалистическому господству террора – как в рядах западных союзников, так и на стороне Красной Армии».

7 мая того же года, находясь в Волгограде, федеральный министр иностранных дел Вальтер Штайнмайер заявил: «Спустя 70 лет после огромных страданий, которые принесли городу немцы, мы уже не одиноки в своих воспоминаниях. Русские, немцы и все народы Европы объединены общим [лозунгом] “Никогда больше” и общей ответственностью за мир в Европе»<sup>58</sup>.

Хотелось бы надеяться, что европейские государства вновь осознают эту ответственность и обязательства в 75-ю годовщину освобождения от национал-социализма.

В заключение некоторые резюмирующие замечания.

1. В послевоенное время доминировало воспоминание о войне как о катастрофе, не имеющей аналогов. Большинство немцев считало себя жертвами войны и Гитлера.
2. ГДР и созданная СЕПГ система позиционировали себя в качестве наследников борцов с нацизмом – немецких антифашистов и Советского Союза, тем самым помещая себя на сторону победителей. Это затрудняло на протяжении практически всей истории ГДР критический анализ проблемы солидарной ответственности немецкого общества за события в прошлом.

---

<sup>58</sup> *Gedenkstunde im Bundestag: 70 Jahre Kriegsende: Mahnung für alle Zeit*. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/70-jahre-kriegsende-mahnung-fuer-alle-zeit-299818>.

3. Интенсифицировавшийся с 1950-х годов анализ национал-социалистических преступлений в нарастающей степени становился центральным элементом немецкой самоидентификации. Параллельно с этим росло понимание того, что катастрофа, завершившая войну, предоставила шанс, во всяком случае Западной Германии, для нового демократического развития.
4. С конца 1950-х годов началось осознание потерь, которые понесли другие народы. С 1960-х годов, с началом новой восточной политики, стало очевидным каких огромных жертв война стоила народам Восточной Европы, в том числе Советскому Союзу и его союзникам. При этом проблема жертв немецкого народа на какое-то время отступила на второй план, и только в последнее время вернулась в центр внимания и стала предметом дискуссии.
5. В послевоенное время преобладали национальные взгляды на историю, на основе войны возникали националистические мифы. И сегодня национальные культуры памяти демонстрируют существенные различия, а критическая оценка собственной истории – всё ещё редкость. Тем не менее, критическое переосмысление необходимо, в том числе для понимания того, что 8 мая действительно было Днём освобождения.

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

 valdaiclub

 ValdaiClub

 valdaiclubcom

[valdai@valdaiclub.com](mailto:valdai@valdaiclub.com)



СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ



Российский совет  
по международным  
делам



МГИМО  
УНИВЕРСИТЕТ



НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ  
УНИВЕРСИТЕТ